„Socialistitcheski Vestnik"
„Le Courrier Socialiste"
„Der Sozialistische Bote"

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 3 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 3 (407)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 дол., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

10 Февраля 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Февральские события в Германии

Тоталитарная однопартийная диктатуура имеет свои внутренние законы развития, — во всех странах одни и те же. Ее основным законом является то, что она не «терпит пустого пространства»,—не допускает ни одного уголка общественной или политической жизни, который не был бы заполнен щупальцами диктаторского аппарата; исключает существование силовых позиций, которые не были бы в полном распоряжении диктаторской партии. Ни одной диктатуре — даже сталинской — не удалось достигнуть этого «идеального состояния» сразу, с первого же момента своего прихода к власти. Это повсюду явилось результатом многолетнего процесса и богатой перипетиями борьбы. Но самый характер тенденции от этого не менялся. Как степной пожар, экспансия диктатуры не прекращалась, пока хоть где-нибудь еще оставался уголок, пощаженный огнем.

Параллельно с этим тоталитарная диктатуура во всех странах все ярче и ярче выявляет и второй основной закон своего развития: все большее заострение диктатуры, все большее сужение ее верхушки, все большую концентрацию всей полноты «тоталитарности» в руках малой клики и, наконец, одного лица — «фюрера», «дуче» или «вождя народов».

Эта внутренняя динамика тоталитарной диктатуры дает нам основной ключ и к пониманию тех событий в Германии, которые всколыхнули сейчас весь мир и привлекли к себе всеобщее внимание.

Слухи, догадки, гипотезы, предположения являются необходимыми атрибутами общественной жизни в странах, которые лишены независимой печати, в которых нет свободы слова, и где вся информация фабрикуется по специальному заказу сверху в министерствах пропаганды и цензурных комитетах. Неудивительно, что и вся мировая печать сейчас заполнена сенсационными слухами и информациями о Германии из «достоверных источников», — слухами самого фантастического свойства, которые не поддаются никакой проверке, и правду о которых мы узнаем, — как говаривал покойный Щедрин, — лет этак через 50 из архивных документов. Стоял-ли, действительно, генерал фон Фриче во главе офицерского монархического заговора или не стоял; был-ли вообще такой «заговор» или речь шла только о мирной монархической демонстрации офицеров старой армии в связи с днем рождения «кайзера»; или же — как гласят самые последние информации хорошо осведомленных корреспондентов — речь шла о фронде высшего офицерства рейхсвера, преданного в последний момент фон Бломбергом, — за что это офицерство потребовало его увольнения, — все эти конкретные детали отступают на задний план перед основным и самым важным фактом: германский рейхсвер, который до сих пор, за все годы гитлеризма, все еще оставался самостоятельной и от национал-социалистической партии почти независимой политической силой; рейхсвер, который фактически вскормил и взростил национал-социализм в Германии, который дал ему возможность прийти к власти, который был его протектором и покровителем, без мощного содействия которого (тайного в период веймарской республики, явного — после 31 января 1933 года) гитлеровское движение

никогда не вышло бы за рамки простого эпизода, — рейхсвер этот теперь был поставлен на колени, если не окончательно еще побежден аппаратом гитлеровской партдиктатуры.

Мы считаем очень правдоподобными сведения парижского «Тан» о тех стратегических мерах, которые генерал фон Фрич принял для противодействия возможным полицейским мероприятиям Гитлера: сведения, что части рейхсвера в решительные минуты занимают стратегические позиции в Берлине в качестве «предостережения» коричневым отрядам, уже не в первый раз появляются в печати. Вполне вероятно и то, что рейхсвер выступал с определенными декларациями или требованиями, обращенными к Гитлеру и к национал-социалистическому правительству; как почти несомненно и то, что насквозь пронизанный до сих пор юнкерски - ост-эльбскими традициями и элементами высший офицерский состав рейхсвера находится в состоянии перманентной оппозиции к руководимому Герингом и Гимлером плебейскому офицерству «коричневых рубашек», выросшему из политической пропаганды и уличной демагогии. Аналогичные взаимоотношения соперничества между армией и милицией существовали и в Италии в первые годы фашизма. Но интерес событий, разыгравшихся в последние дни в Германии, заключается не в этих внешних оказательствах еще сохранившейся силы, политической мощи и относительной независимости рейхсвера. То, что является сейчас единственно значительным и решающим, — это факт, что партийной диктатуре удалось, несмотря на все это, после пятилетней осады взять приступом первую «линию укреплений» рейхсвера, принудить его к частичной капитуляции. Первое большое сражение между рейхсвером и национал-социализмом кончилось не дворцовым переворотом, свергающим диктатуру партии, — как этого многие ожидали и многие предсказывали, — а, наоборот, компромиссом, который фактически означает дальнейшее усиление позиций партии и отступление и капитуляцию рейхсвера в ряде суущественных пунктов. Решающим с точки зрения всего дальнейшего развития является факт, что в критическую минуту генерал фон Фриче не смог воспользоваться теми стратегическими позициями, которые были заняты его войсками, для того чтобы вынудить отставку своих противников, а был вынужден сам уйти в отставку. Характерным является то, что генералы рейхсвера в последний момент не решились порвать с диктатурой партийного аппарата и пошли не за фон Фриче, а за фон Крейтелем, который, под видом «компромисса», фактически уничтожил прерогативы рейхсвера как независимого политического фактора, который создал положеение, при котором генералы рейхсвера фактически являются советчиками, подчиненными всесильному фюреру, сконцентрировавшему в своих руках неограниченную полноту и гражданской и военной власти.

Борьба между партией и рейхсвером еще не закончилась 4 февраля. Это еще не финал, а лишь один из первых этапов. Но направление развития уже достаточно ясно обозначилось. Если не произойдет чего-либо совершенно непредвиденного, — то партия все больше и больше будет забирать рейхсвер в свои руки, — как забрала она в свои руки всю хозяйственную и социальную жизнь, всю аграрную политику и всю дипломатию. Круг тоталитарной диктатуры должен замкнуться... Таков закон развития.

Но этим самым дан ответ и на тот вопрос, который больше всего беспокоит и занимает сейчас общественное мнение мира: ослабили-ли или же наоборот усилили события 4 февраля опасность войны? Будет-ли политика Германии после компромисса, заключенного между Гитлером и рейхсвером, более умеренной или более агрессивной? В корне неправильная постановка вопроса. Ибо в этом отношении нет разницы между рейхсвером и партией. Политика Германии будет такой, какую будут диктовать интересы национал-социалистической диктатуры. Она будет такой, какую потребуют интересы ново-германского империализма, детищем и инструментом которого является самый гитлеровский национал-социализм. Она будет продолжать «славные традиции» первых пяти лет гитлеризма, открывшего гениальное по своей простоте «колумбово» яйцо внешне-политических успехов: бряцание оружием перед лицом пацифистски настроенного мира для вымогания уступок — мирным путем, пока эти уступки даются, и путем кровавого насилия в тот момент, когда этих уступок больше делать не будут, а соотношение сил будет благоприятным.

Гитлеровская Германия и после 4 февраля будет продолжать ту же политику, которую она вела за последние пять лет. Если... демократическая Европа это попрежнему будет допускать.

А. ЮГОВ.

Уступки крестьянству

Русская социалдемократия во всех своих партийных документах исходила из того, что одной из основных задач русской революции, — предопределенных ей историей, — является разрешение социально - экономических требований крестьянства, создание предпосылок для поднятия материального и культурного уровня деревни.

По нашему мнению, русская революция может закончиться без бонапартистского срыва только в том случае, если ей удастся спаять тесным союзом два основных класса революции: рабочих и крестьян.

И во времена военного коммунизма, и в период продразверстки, и в годы генеральной линии, наша борьба против большевистской политики определялась не только непосредственными интересами рабочего класса, но и сознанием опасности и губительности советской политики, которая восстанавливала широкие массы крестьянства против революции и против рабочего класса, чьим именем совершались все жесточайшие насилия над крестьянством.

И когда советская власть в годы всеобщей материальной нужды создавала для рабочего класса привилегированные условия: закрытые распределители, заводские столовые, бесплатные квартиры, стипендии в Вузы и путевки на курорты, мы всегда разоблачали и боролись против этой системы, не только потому, что она фактически сводила большинство этих привилегий к фикции, но раньше всего потому что она вызывала вражду между трудящимися города и деревни, противопоставляя их интересы друг другу.

Мы не раз решительно возражали против С. Н. Прокоповича и других, которые утверждали, что, с точки зрения народного хозяйства, рабочие СССР живут за счет крестьянства, за счет принудительно отнятой у крестьян продукции. Но не право пролетариата СССР на привилегии мы защищали, а мы указывали на нищенские условия и рабочих и крестьян, мы вскрывали причины этой общей нужды: плохую экономическую политику и бесправие населения. Мы доказывали фактами и цифрами, что рабочий в городе столь же недополучает за свой труд, как крестьянин в деревне.

Во весь период генеральной линии мы неустанно твердили во всех наших статьях, что сверхидустриализация и социализация, производимые за счет недопла-

ты продукта крестьянского труда, за счет конфискации всего «накопления» деревни — подрывают экономическую основу всего хозяйства и неизбежно отбрасывают в ряды врагов революции большинство крестьянского населения.

И уступки крестьянству, которые делались за последние годы советской властью, мы критиковали не за то, что они лишают рабочих правовых и материальных привилегий, а потому что эти уступки всегда были недостаточны и противоречивы, и, главное, потому что они совершались в условиях сохранения и углубления бесправия и рабочих и крестьян.

Сейчас, в завершительный период революции, когда на наших глазах происходят головокружительные метаморфозы в политике, и жестокий террор Сталина и Ежова отражает закулисные столкновения каких-то сегодня еще неоформленных сил, столкновения, которые завтра найдут свое выражение в социально - экономических сдвигах, вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства вновь встает в полном об'еме.

Мы думаем, что и сегодня, поскольку революция не утеряла еще своей динамической, творческой силы, старая позиция социалдемократии, формулированная в свое время Мартовым, — соглашение рабочего класса и крестьянства — остается в полной силе. Само собою разумеется, что, как и ранее, такое соглашение предполагает сознательное согласие со стороны рабочего класса на некоторые политико - экономические уступки крестьянству, как классу частных производителей; при этом то обстоятельство, что сейчас подавляющая часть крестьянства работает в условиях колхозов, может облегчить, конечно, при раскрепощении этих колхозов, возможность соглашения между пролетариатом и крестьянством.

Но не во всех революционных кругах, противопоставляющих себя сталинской диктатуре, так разрешается проблема взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Некоторые течения троцкистов и других оппозиционеров - коммунистов считают, что в СССР уже определился поворот Сталина от рабочего класса к крестьянству и что именно в этом проявляется бонапартистское перерождение советской диктатуры, ближайший путь которой: против рабочего класса, за крестьянство. Они полагают, что в политике — этот курс находит свое выражение в увеличении удельного веса крестьянства и в уничтожении всех тех, кто мог бы помешать Сталину в его перемене социальной сущности режима. В экономике и социальной жизни, по их мнению, этот курс выявляется в значительном улучшении условий жизни крестьянства, при одновременном ухудшении жизненного уровня рабочих.

Отход в последние месяцы многих членов русской и европейской компартий от сталинской позиции стал массовым явлением. Это несомненно факт большого и положительного значения. Но в высшей степени характерно, что влияние на взгляды коммунистов-оппозиционеров их вчерашней идеологии — еще очень сильно. Не решаясь поставить проблему взаимоотношений пролетариата и крестьянства в полном об'еме, пересматривая лишь сегодняшнюю, но не вообще политику коммунистической партии, они всякую уступку Сталина крестьянству склонны расценивать, как предательство интересов рабочего класса, а всякое, даже раздутое известие о росте благосостояния крестьянства считают об'яснением низкого уровня жизни советского рабочего.

Ошибочная и роковая позиция!

Верно, что переход к крупному, механизированному, более культурно ведущемуся колхозному хозяйству и одновременная легализация усадебного хозяйства отчасти уже увеличили продукцию сельского хозяйства, а отчасти создали предпосылки для будущего под'ема. Но принудительная коллективизация и борьба с «кулаками» первых лет коллективизации нанесли такие глубокие разрушения сельскому производству, что должны пройти еще годы, пока можно будет говорить о действительном под'еме благосостояния всей деревни. Кроме того, значительная часть крестьянской продукции изымается попрежнему из колхозного и усадебного хозяйства государством, в виде налогов, сборов, платежей, обязательных поставок, отчислений в фонды и прочее.

Уровень благосостояния советской деревни в целом еще очень невысок. Средний доход колхозного двора еще и сейчас ниже дохода крестьянской семьи средней зажиточности в довоенное время. Конечно, питание колхозника и его семьи более обеспечено, чем питание городского рабочего. Но удовлетворить свои нужды в платье, обуви, в предметах домашнего обихода средний крестьянин не может, так как его денежные доходы ничтожны, а цены на промышленные изделия очень высоки. Как процветание стахановцевъ в городе не характерно для всей массы пролетариата, так и благосостояние отдельных колхозов и отдельных колхозников не следует распространять на всю деревню.

Верно, однако, что в последние годы крестьянству в общем живется легче и что благосостояние колхозников медленно, но несомненно улучшается.

Верно также, что в последнее время улучшение условий жизни городских рабочих замедлилось, а, быть может, в отношении отдельных категорий, даже сменилось на обратную тенденцию.

Но на правильных ли путях ищет выхода та политика, которая видит причины ухудшения жизни рабочих в уступках, сделанных Сталиным крестьянству? Правильна ли та политика, которая — даже против воли ее авторов — сталкивает рабочих и крестьян в споре за скудный кусок хлеба насущного?

Коренная ошибка такой политики в том, что она остается в замкнутом кругу, в котором или рабочий должен вырывать кусок хлеба у крестьянина или крестьянин должен лишить этого хлеба городского рабочего.

Нужна же такая политика, которая обеспечила бы прожиточный минимум и постепенный рост благосостояния и рабочему и крестьянину! Возможна ли такая политика? Конечно!

Почему во всем мире, даже в странах, менее наделенных природными богатствами, чем Россия, продуктов, производимых трудящимися, хватает для того, чтобы они были хотя бы элементарно сыты? И если уровень их благосостояния невысок, то не потому, что крестьяне отнимают доход у рабочих или рабочие у крестьян, а потому что в капиталистическом мире существуют паразитические и посреднические классы, частная собственность на товары и неравномерное распределение богатств.

И в том то все дело, что в СССР ведется столь плохая ошибочная экономическая политика, что несмотря на механизацию и агрикультуру, доля продукции, получаемая самими трудящимися на их потребление, ниже, чем в странах, где господствует частная собственность.

Пусть не в тех размерах, в которых сообщает советская статистика, но народный доход в СССР в последние годы несомненно растет, — так почему же СССР все время стоит перед выбором: насытить крестьянство — значит обречь рабочий класс на деградацию, поднять оплату труда рабочих — значит не доплачивать крестьянам за продукты их труда?

В поисках выхода надо выйти раньше всего из этого заколдованного круга. Нужно серьезно разобраться в

том, почему в Советской России хронически приходится обрекать на лишения либо рабочих, либо крестьян.

Раньше всего надо отбросить предположение «левой оппозиции», что крестьянин об'едает рабочего, как некогда, в споре с С. Прокоповичем, мы отбросили предположение, что рабочий живет за счет крестьянина.

Причина в том, что в СССР ведется очень плохая, очень ошибочная хозяйственная политика. Причина в том, что диктаторская власть значительную часть народного труда обращает на строительство дорогих сооружений — Днепровской станции, Магнитогорска, Московско - Волжского канала, Дома Советов и прочее, притом, в таком темпе и в таких размерах, что это было бы не по силам даже самым богатым странам. Причина в том, что это строительство, из-за неумения и спешности ведется бесхозяйственно и часто превращается в растрату народных средств, в лжеинвестицию. Причина в том, что аппарат диктатуры стоит непомерно дорого, он требует громадных средств на полицию, ГПУ, шпионаж и репрессии, он работает, кроме того плохо и бесхозяйственно. Причина в том, что, в угоду политическим интересам диктатуры и капризам диктаторов, самая власть систематически дезорганизует хозяйство, заменяя одних администраторов другими, часто невежественными, хотя и без меры преданными. Поэтому на удовлетворение потребностей самих производителей обращается лишь небольшая доля народного дохода.

В СССР народный доход распределяется между тремя категориями: пролетариатом, крестьянством и государством, которое в свою очередь бесконтрольно направляет средства: на обычные государственные нужды, в том числе и нужды обороны, на цели нового строительства и на нужды аппарата бюрократии.

Задача тех, кто действительно защищает интересы революции, добиться, чтобы были значительно сокращены расходы на нужды сверхиндустриализации и бюрократии.

А это возможно только при условии ликвидации диктатуры силами и в интересах трудящихся классов.

Сейчас в кругах оппозиционных сталинской диктатуре упорно ищут следы социального перерождения диктатуры и находят их в уступках, делаемых крестьянству. Надо понять и твердо усвоить, что сами по себе уступки крестьянству необходимы и благодетельны для революции и следовательно для рабочего класса.

Уступки крестьянству приобретают бонапартистский характер, лишь когда они делаются за счет рабочего класса. Но величайшей ошибкой было бы, если бы представители рабочего класса заняли враждебное отношение вообще к «уступкам» крестьянству, вместо того, чтобы бороться вместе с крестьянством за изменение общей политики в интересах всех трудящихся страны.

Обреченность вынужденных уступок, делаемых властью в условиях бесправия населения, в том, что они никого не удовлетворяют, даже тех, в интересах которых эти уступки делаются.

Наша задача об'единить и рабочих и крестьян в их борьбе за хозяйственную политику, подымающую их благосостояние, значит в их борьбе против сталинской диктатуры.

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

О. БАУЭР.

Диктатура и свобода в идеологии нелегальных п ртий.

В нелегальных социалистических группах Италии за последнее время развилось течение, которое заслуживает внимание международного социализма, в особенности нелегальных партий в других фашистских странах. Течение это нашло свое выражение в «Директивах социалистического действия», выработанных социалистическими группами в Италии («Нуово Аванти» от 25 января 1936 г.); в изданной итальянской соц. партией серии брошюр под общим заглавием «Эхо», в особенности в № 3 (*A. Fontana: Riconstruzione socialista*); в докладе представителя «внутреннего центра» на парижском с'езде итальянской соцпартии в мае 1937 года. О нем же пишет тов. Ломбарди в № 1 вновь выходящих «Проблем итальянской революции».

Товарищи, борющиеся в Италии, — пишет Ломбарди, — ставят идею свободы в центре своей революционной концепции. Но эта идея свободы должна быть поставлена в том идейно-обновленном социализме, за который итальянские товарищи борются, конкретно и конструктивно. Демократическо - реформистские методы привели не к социализму, а — в Италии, Германии и Австрии — к победе фашизма. С другой стороны авторитарно - диктаторские методы большевизма привели не к свободе, а к диктатуре Сталина. «Мер[...] вая точка» противоречия между демократическим р[...] формизмом и авторитарным, большевизмом должна бы[...] преодолена. Тяжелое наследие «этатизма» — ложно[...] представление, будто государство может явиться ору[...] дием освобождения, явилось губительным как для де[...] мократически - реформистского, так и для авторитарн[...] большевистского социализма, — для Второго Интерн[...] ционала в такой же мере, как и для Третьего. Нов[...] социализм должен взять за исходную точку Маркс[...] критику государства и бюрократии и развить ее да[...] ше. Это должен быть «либертарный», «свободолюб[...] вый» социализм, не пугающийся тех крайностей и пр[...] увеличений, в которые впадают анархисты при толков[...] нии этого термина. Свобода должна оживить диктату[...] пролетариата, с одной стороны, профсоюзной поли[...] кой, обеспечивающей рабочим их независимость от [...] сударственных организаций; с другой стороны — ре[...] люционной аграрной политикой, освобожденной от д[...] тринерских предрассудков и дающей возможность пр[...] летариату привлечь на свою сторону массы крестья[...] ства, как и городского населения. — Только такой [...] бертарный социализм, являющийся диаметральной пр[...] тивоположностью фашизму, может стать наиболее п[...]

П. ГАРВИ.

Чистка кровью и похмелье клеветников

В то самое время, как Верховный Совет, симулируя полновластие, по указке выбирал свой постоянный орган — Президиум Верховного Совета — и утверждал новое правительство Союза с постылo-знакомым Молотовым во главе, а депутаты-верховники чуть-чуть с привизгом возглашали осанну подателю всех благ конституции, — подлинный хозяин земли русской, в перерывах между двумя парадными заседаниями парламента мамелюков, держал в Кремле свой тайный совет — пленум ЦК коммунистической партии, на котором и принимались ответственные решения, определяющие судьбы страны.

Старо-новый глава советского правительства Молотов сам, впрочем, вскрыл в порядке оплошности сущность конституции по-сталински, заявив в своей речи на заседании Верховного Совета: «Во всех важных вопросах мы, Совет Народных Комиссаров, обратимся за советом и за указаниями к Центральному Комитету большевистской партии и, прежде всего, к товарищу Сталину... это и по существу и по форме соответствует нашей великой конституции».

Покрыв громоподобной овацией молотовское раз'яснение конституции, пресекающее в корне все «бессмысленные мечтания» о полновластии советского парламента, Верховный Совет довел свое раболепие (воистину: «се образ раболепного сената»!) до политического самоубийства. «Сращивание» партии и государства завершилось утверждением гегемонии монопольной партии — и ее генерального секретаря. Лассалевское различение писанной и реальной конституции получило новую историческую иллюстрацию...

Создав новую государственную форму для своего социал-цезаризма, Сталин не может отказаться от старого, испытанного орудия господства, от партийной диктатуры. Оно и понятно. Всякое тоталитарное государство нашего времени — или безвременья — является, по необходимости, и партийным, точнее, однопартийным, государством. Ибо современные деспотии, вынужденные опираться на народные массы, нуждаются в мощном организационно - политическом, т. е. «партийном» аппарате для «идеологической» обработки и мобилизации масс, а также для твердого руководства всем государственным механизмом, бюрократией и армией, школой и хозяйством. Плебисцитарная «демократия» и партийная диктатура это два устоя тоталитарного государства с единоличным возглавлением.

Наладив с ежовской помощью механизм плебисцитарной демократии, Сталин естественно тут-же занялся укреплением исконного, но в конец расшатанного московскими процессами и огульным террором устоя своего господства — большевистской партии.

Чтобы расчистить путь для своей единоличной власти, облеченной «всенародным доверием» в форме плебисцитарной демократии, Сталину пришлось сначала сокрушить старую гвардию большевизма, связанную с Октябрем, а за ней и второе поколение партийных кадров, проводившее новый Октябрь — генеральную линию. Лишь на развалинах старой большевистской партии мог Сталин, подталкиваемый новыми социальными верхами «использователей революции» и собственным властолюбием, установить в чистом виде режим социал-цезаризма.

Физическое истребление тысяч и тысяч большевиков —от зачинателей партии до ее «неизвестных солдат», сохранивших верность старому большевизму — было облегчено неслыханной кампанией лжи и клеветы, морально - политическим ошельмованием инакомыслящих,

---

следовательной, решительной, руководящей силой в борьбе против фашизма.

Выдвигая такого рода концепцию, наши итальянские друзья примыкают к старому и широкому течению в международном социализме.

В своей «Гражданской войне во Франции» Карл Маркс обобщил и систематизировал те представления, которые, — может быть, не всегда в ясной форме, — господствовали среди парижских коммунаров 1871 г. Рабочий класс не может просто перенять централизованный военно - бюрократический аппарат государства: он должен его разбить. Вместо централизованного государства должна быть создана федерация свободных коммун, в которой не будет ни постоянной армии, ни централизованной бюрократии. Трудовой народ, освобожденный от военно - бюрократического аппарата государственного господства и опираясь на свободно-избранные органы общин и союзов, на вооруженную народную милицию, — произведет, в состоянии полной свободы, общественный переворот и разобьет сопротивление привилегированных классов. Таково было Марксово понимание диктатуры пролетариата, возникшее под впечатлением Парижской Коммуны.

С развитием профессионального движения это понимание изменилось. Революционный синдикализм заменил идею «федерации коммун» представлением о «федерации профессиональных союзов»: не централизованная военно - бюрократическая государственная власть, а федерация профессиональных рабочих организаций должна явиться тем инструментом, при помощи которого пролетариат экспроприирует капиталистов, установит социалистический общественный порядок и организует социалистическое производство.

Наконец, русская революция заменила коммуны и профессиональные союзы рабоче крестьянскими советами. Накануне октябрьской революции Ленин в своей книге «Государство и революция» выдвигает для пролетарской революции задачу замены централизованного бюрократического государства федерацией свободно-избранных советов без бюрократии и без постоянной армии. И вот эта-то федерация должна осуществить социальный переворот.

Все эти революционные концепции являлись по существу анти-государственными: они отрицали всякий централизованный бюрократический государственный аппарат; они передавали руководство революционным процессом в руки пролетарских и крестьянских организаций, опирающихся не на полицию, не на жандармерию, не на постоянную армию, а на милицию, составленную из вооруженных рабочих и крестьян, и осуществляющих управление не при помощи централизованного бюрократического аппарата, а через органы, свободно избираемые и в любой момент отзываемые самими рабочими и крестьянами. Все эти революционные концепции являлись «либертарными» и «свободолюбивыми». Они стремились путем уничтожения всякого бюрократического аппарата господства осуществить полную свободу для трудящихся масс, развязать свободную самодеятельность последних в процессе общественного переворота, и разбить сопротивление приви-

изменническими наветами на всех действительных и возможных противников и соперников Сталина. Он обрушилъ на своих противников, употребляя выражение Достоевского, «целую стену клеветы». И какой клеветы! В годину военной опасности на Западе и на Востоке и в обстановке предвоенного психоза в массы был брошен лозунг «бдительности», с вышки Кремля разнуздывалась шпиономания, на целые течения в большевизме возводились наветы в государственной измене, в диверсантстве, в фашизме. Ежов, этот кровожадный недоносок, которого Сталин «наместником нарек и в ужас ополчил», не довольствовался уже традиционным — от времен Дзержинского, Менжинского и Ягоды — массовым «сексотством», а ввел настоящую всеобщую повинность доносительства, в особенности, в коммунистической партии, так как именно из партии росла непосредственная оппозиция сталинскому единодержавию и сталинской политике отката от Октября.

Донос стал универсальной и обязательной формой политической активности и самодеятельности. Донос стал орудием самозащиты и перестраховки. Донос стал трамплином для «выдвижения», часто для головокружительной карьеры. Донос заменял «сертификат цивизма», сделался свидетельством политической благонадежности. Доносили все — жены на мужей, дети на отцов, брат на брата. Кто не доносилъ, становился подозрительным. Те, на кого доносили, почти без разбора извергались из партии, изгонялись из профсоюза, снимались с работы, попадали в ежовскую мясорубку, в лучшем случае — шли в ссылку, в концлагери, в политизоляторы. Исторгались из партии, снимались с работы, попадали в застенки не только жертвы доносов, но и их жены, родители и дети, сослуживцы, друзья и знакомые. Жизнь стала клоакой, в которой сливались потоки крови и грязи.

Успех этой подлой политики власти, кощунственно именующей себя рабочей и социалистической, был полный. По воле Сталина и по усердию его Малюты Скуратова, в стране, как во времена опричнины, воцарилось «слово и дело».

Но именно стопроцентная полнота успеха должна была вызвать похмелье и разочарование. Универсальный охват доносительства сделал его не достигающим цели. Власть, разнуздавшая это всеобщее доносительство, фактически не имела возможности разобраться в доносах. В широчайших массах было посеяно недоверие друг к другу, к руководителям, к подчиненным, к сослуживцам в учреждениях, к товарищам по работе. Деморализация на фабриках и заводах, в совхозах и колхозах, в армии и в профсоюзах, и особенно в партии, где в первую очередь был водружен Сталиным-Ежовым мазанный дегтем «квач» доносительства, достигла такой степени, что стало «застопоривать работу», по запоздалому свидетельству «Правды».

Пришлось забить отбой. Пришлось, как в разгар колхозной вакханалии, заклеймить «головокружение от успехов». Пришлось осадить на полном скаку. И вот под шум славословий и под грохот оваций на параде Верховного Совета пленум ЦК изувеченной, но «правящей» коммунистической партии принимает, вместе с рядом решений по хозяйственным вопросам (от обсуждения которых был, по праздничному делу, освобожден Верховный Совет!), бесконечно-длинное, как товарный поезд, постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально - бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах к устранению этих недостатков». И вслед за опубликованием этого постановления вся советская пресса взапуски пустилась комментировать и восхвалять это мудрое постановление и приводить ужасающие факты повального доносительства и огульных репрессий.

Сталин бьет отбой. Из скудного «резерва уступок» он вынужден выбросить кость — обещать защиту оклеветанным. — И как всегда, как, напр., при вынужден-

---

легированных капиталистических классов мощью вооруженных и развязанных в своей энергии народных масс.

Совершенно ясно, что эти либертарные революционные концепции столь же далеки от буржуазной демократии, институции которой реформистский социализм желает использовать для социального переворота, как и от большевизма с его гигантским централизованным бюрократическим аппаратом, с его ГПУ и его Красной Армией.

То, что в рядах нелегальных социалистических групп в Италии сейчас возникают подобного рода либертарные представления, отнюдь не является случайностью. Это — реакция передовых итальянских рабочих и интеллигентов против фашистского сверх-этатизма, который подчиняет всю хозяйственную жизнь, всю работу и весь досуг народа, его духовную жизнь, все государство и все общины тоталитарной диктатуре централизованной фашистской партийной и государственной бюрократии и его гигантского аппарата насилия. Это — результат разочарования народных масс, с одной стороны в буржуазной демократии, которая закончилась победой фашизма, с другой стороны — в большевизме, который привел к личной диктатууре Сталина. Но если эти либертарные представления являются продуктом исторически данной ситуации, которая может повториться и в других фашистских странах, то необходимо их разобрать по существу.

* * *

В буржуазной демократии буржуазия, — опираясь на духовно ей подчиненные массы мелкой буржуазии и крестьянства, — господствует на основе всеобщего и равного избирательного права. Каждые три или четыре года этот мандат на господство возобновляется и подтверждается новыми всеобщими выборами. Представители буржуазии управляют, опираясь на результат выборов, в качестве представителей большинства народа. Но когда классовые бои на почве демократии начинают угрожать ее политическому господству, ее собственности или ее прибылям, господствующая буржуазия передает государственную власть в руки своих фашистских наемников. Она разрушает демократические институции. Если она до этого момента господствовала волею большинства народа, то теперь она делает свое господство независимым от народной воли при помощи фашистской диктатуры.

Этот исторический опыт рабочий класс проделал в Италии, Германии, Австрии, Балтийских странах. Он разрушил в рабочих массах фашистских стран веру в то, что методами и на основе демократии можно осуществить конечную цель социализма. И потому в первый период после победы фашизма широкие массы в фашистских странах ставят себе целью не восстановление демократии, а диктатуру пролетариата. Отброшенные, после десятилетий непрерывного под'ема, в состояние полного бессилия, широкие рабочие массы компенсируют унизительное чувство своей нынешней беспомощности мечтой о своем будущем всевластии, — о диктатуре пролетариата. Разбитые и подавленные кровавым насилием, рабочие массы в этот момент полны жажды мести: они мечтают о том отмщении, которо

ном отступлении после колхозной эпопеи раскулачивания до последнего печного горшка и до «эшелонов смерти», он трусливо прячется от ответственности, все залит на местные партийные организации и на местных партруководителей по правилу: «законы святы, да исполнители — лихие супостаты». Вождя опять «*не поняли*»...

Не повинность доносительства, как таковая, вызывает однако осуждение пленума ЦК, а лишь «ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, вредителей». В передовой «Правды», комментирующей напечатанное в том же номере от 19 января Постановление пленума ЦК, прямо говорится: «Борьба с троцкистско - бухаринским охвостьем не закончена. *Ни малейшего ослабления бдительности! Наоборот*».

Повинность доносительства, таким образом, остается. Война об'является только «фальшивой бдительности», которой прикрываются, во-первых, «трусы-перестраховщики», во-вторых, «карьеристы» и, в-третьих, «враги народа» — для отвода глаз.

Постановление пленума ЦК приводит длинный ряд примеров «головотяпства» местных парторганизаций и их руководителей, из опасения ответственности за недостаток бдительности ставших на путь массовых исключений членов из парторганизаций на основании часто необоснованных и злостных доносов. Аппеляции исключенных не рассматривались по полугоду и больше. Все эти ошибки переусердствовавших местных руководителей по признанию ЦК, «*озлобляли коммунистов*». Благодаря этим ошибкам и неумению «отличать врага от друга», карьеристы-коммунисты, желающие выслужиться, разводят панику насчет «врагов народа», засидевшиеся «выдвиженцы» очищают тысячами места для себя, а замаскированные троцкистско-бухаринские двурушники «в провокационных целях организуют подачу клеветнических заявлений на членов партии», чтобы под маской доказанной бдительности, с одной стороны, «сохранить в партии свои контр-революционные кадры», а с другой, — чтобы путем проведения массовых мер репрессии «перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах». Точно не *Сталин* «перебил большевистские кадры», точно не он посеял «неуверенность и подозрительность» в рядах партии, точно не он первый пустил в ход против своих противников в партии отравленное орудие клеветы и шпионских наветов, точно не он был первым злостным и лживым клеветником! Старинное русское правило из мрачной эпохи пыток и казней гласило: «*доносчику — первый кнут!*» Первый кнут бесспорно заслужил Сталин.

Но именно Сталин замахивается теперь кнутом на тех «малых сих», которых он же ввел в соблазн и принудил к доносительству. Не стоит останавливаться на партийно - организационных рецептах, прописанных в Постановлении пленума ЦК для борьбы с «фальшивой бдительностью», с массовым исключением коммунистов по ложным доносам, с систематической задержкой рассмотрения аппеляций исключенных. Все эти рецепты заведомо не приведут к цели. Ибо все эти рецепты продиктованы *полицейским* подходом к проблеме, по существу *политической*.

Борьба с «строчителями кляуз», с «метателями копий», с «доносчиками - коммунистами», с «перестраховщиками», с «замаскированными двурушниками», как и с «бездушно - бюрократическими» партаппаратчиками останется благим, к тому же и неискренним, пожеланием, пока останется в силе режим террористической диктатуры. Власть, рассматривающая всякого оппозиционера, как «врага народа», заслуживающего смерти или каземата, не может отказаться от методов оклеветания своих противников, от всеобщего сыска, от повального доносительства, от «очистительного» изуверства. «Предложение» доносов вызывается «спросом» на них со стороны власти, не пользующейся доверием

воздаст врагам террористическая диктатура пролетариата. Но в то время, как на их родине классовые враги уничтожают все демократические учреждения, все завоеванные в долголетней борьбе достижения рабочего класса, — в это самое время в Советском Союзе победоносно укрепляется революционная диктатура. И потому подавленные фашизмом рабочие массы представляют себе будущую диктатуру пролетариата по русскому образцу.

Но фашизм стабилизовался. Молодым нелегальным организациям приходится изо дня в день вести неравную борьбу против засилия фашистской государственной власти. Нелегальные работники, защищающие свои социалистические убеждения, заполняют каторжные тюрьмы фашизма; их борьба, поэтому, постепенно становится борьбой за свободу убеждений. Рабочие массы силой загоняются в фашистские организации, — борьба нелегальных революционеров делается борьбой за свободу организаций. Фашизм лишает рабочий класс права защищать свои интересы в борьбе против предпринимателей при помощи забастовок, — борьба нелегальной организации делается борьбой за право стачек. Так в повседневной практике нелегальной борьбы первоначальная конечная цель — диктатура пролетариата — отступает на задний план; повседневная борьба против тоталитарного фашистского государства становится борьбой за свободы.

Когда народные массы в фашистских странах восстанут, их борьба обратится против тоталитарной бюрократии, которая претендует на то, чтобы регламентировать всю жизнь масс по своему произволу. Немецкий крестьянин, — которому Третья Империя предписывает, какую часть своего урожая он должен сдать государству, по какой цене он должен продавать продукты своего труда, и какую часть своих продуктов он имеет право скормить скоту, — будет в момент восстания против гитлеризма бороться за свободу своего хозяйства и за право свободного распоряжения продуктом своего труда. Немецкий ремесленник, которому Третья Империя отказывает в сырье, нужном ему для своей работы, потому что она сохраняет заграничную валюту для закупки предметов военного снаряжения, будет бороться за уничтожение контроля внешней торговли, за отмену государственного регламентирования ввоза сырья. Немецкие интеллигенты будут бороться против государственной регламентации наук и искусств, — за духовную свободу. Верующие немцы будут бороться против регламентирования церквей, за свободу религиозной и церковной жизни. Немецкий рабочий, которому фашизм диктаторски предписывает, по какой цене он должен продавать свою рабочую силу, у которого он отнимает даже право свободного передвижения, и которого он прикрепляет к предприятию для того, чтобы тот не мог переменой места работы улучшить свои условия жизни, у которого он разбил все организации и тем отдал его на поток и разграбление капиталисту, — этот рабочий будет бороться за свободу рабочего договора, за свободу организаций и стачек. Каждая анти-фашистская народная революция в своей *первой* стадии будет анти-бюрократической,

народа и даже собственной партии и им потому не доверяющей.

Михаил Кольцов, этот подхалим из подхалимов, — под стать пушкинскому «патриоту из патриотов», — в посвященной Постановлению пленума ЦК статье «О лжеразоблачителях и клеветниках» утверждает в «Правде» заведомую ложь, когда пишет: «Вся система советского государства и общественности стоит на защите прав гражданина, записанных в Сталинской Конституции». На деле «на защите прав гражданина, записанных в Сталинской Конституции» стоит Ежов. В той же статье, пятью строками ниже, Кольцов проговаривается об этом, когда для успокоения «граждан», встревоженных вакханалией доносительства, пишет: «Наркомвнудел безошибочно (!) добирается до всех тех, кто, вместо честной помощи советской разведке, пробует создавать путаницу, оклеветывать, лишать работы неповинных ни в чем людей»...

Что же дальше? По случаю сталинского похода против фальшивой бдительности за бдительность настоящую советская печать не устает повторять изречение Ленина, что «хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист». Следуя этому «завету Ильича», Сталин, через 18 лет после окончания гражданской войны, хочет сохранить партию коммунистов, как партию чекистов,—только «хороших», безошибочно разбирающихся, чекистов. Но для Ленина все-таки впереди «хорошего чекиста» стоял «хороший коммунист». Для Сталина «хороший коммунист», верный идеям Ленина, это «враг народа», обреченный расправе. Вот он и «чистит» партию, заменяя коммунистов преторианцами.

«Гигантская очистительная работа», проделанная Сталиным-Вышинским-Ежовым, приводит, таким образом, к окончательному превращению большевистской партии из политического коллектива в полицейский аппарат, в преторианскую гвардию, в корпус янычаров. Это изменение существа и роли компартии ускорит процесс бонапартистско - фашистского вырождения диктатуры. Новые мероприятия сталинского ЦК не разрешат партийного кризиса, который неотвратимо «перерастает» в кризис государственный.

Р. АБРАМОВИЧ.

Сотая сессия Совета Лиги Наций

Мы никогда не принадлежали к числу энтузиастов Лиги Наций, как инструмента возрождения человечества. Нам поэтому не приходится теперь впадать и в то преувеличенное отчаяние, какое свойственно людям, разочаровавшимся в иллюзии. И тем не менее, нельзя без чувства горечи и неловкости читать отчет о сотом заседании Совета Лиги Наций. Ибо трудно представить себе более жалкое зрелище, более безотрадную демонстрацию беспомощности, импотентности, нерешительности и лицемерия, чем это «торжественное собрание» представителей полусотни великих и малых держав.

Конечно, тут дело не в Лиге Наций, как в учреждении: ее нынешнее жалкое состояние является только отражением той ситуации, которая создалась в реальной международной действительности. Движение политических планет на политическом небосклоне повинуется законам притяжения и тяготения: когда притягательная сила «великих светил» ослабевает и поле их тяготения уменьшается, тогда их «спутники» и «сателлиты» от них удаляются и начинают устремляться

анти-этатической, будет вести борьбу против диктатуры фашистской бюрократии и за духовную, политическую, хозяйственную и социальную свободу. В этом отношении она будет сильно походить на либеральные и демократические революции прошлого времени. И лишь на почве вновь завоеванной свободы разовьются классовые бои за оформление общественного порядка. Социализм может стать руководителем анти-фашистской революции в ее первой стадии лишь в том случае, если он станет глашатаем свободы.

Так нелегальные социалистические партии проделывают быструю эволюцию. В начале своего развития, под непосредственным впечатлением победы фашизма, они теряют веру в свободу, погибшую при поражении демократии. Авторитарной диктатуре, воздвигнутой фашизмом для охраны интересов монополистического капитализма, они противоставляют тоталитарную диктатуру пролетариата, как свою конечную цель. Но в дальнейшем ходе своей борьбы они сами вынуждаются вести пропаганду для восстановления демократических прав и свобод. И по мере того, как они приходят к сознанию, что пролетариат сможет свергнуть фашизм лишь в том случае, если ему удастся собрать вокруг себя все восстающие против фашистского духовного гнета и фашистской хозяйственной диктатуры трудовые массы, они начинают понимать, что они смогут победить фашистскую диктатуру лишь как защитники свободы, лишь как передовые борцы против бюрократического этатизма.

Но как мы должны представлять себе эту свободу? Может-ли она и должна-ли она быть простым восстановлением разрушенной фашизмом демократии? Может-ли и должен-ли пролетариат забыть великий революционный урок, который он получил в час фашистской победы? Даже современный капиталистический этатизм требует для своего полного осуществления установления диктатуры; ибо демократические институции дают всем противоречивым групповым интересам такие возможности сопротивления, которые препятствуют полному и последовательному проведению этатизма. Но если это так, то как можно себе представить проведение в рамках демократии и без отмены демократических свобод и прав несравненно более гигантского и вызывающего несравненно более сильное сопротивление социального преобразования, связанного с экспроприацией капиталистов и построением социалистического производства? Для того, чтобы построить социалистический общественный строй, пролетариату нужна власть, достаточно сильная и прочная для того, чтобы сломить все сопротивления, неизбежно возникающие против такого огромного общественного переворота; такую власть мы называем диктатурой пролетариата. Но может-ли такая пролетарская власть быть построена на основе свободы для всех, в рамках демократических учреждений, и при сохранении демократических прав, дающих свободу действия всем сопротивлениям против социалистического преобразования? Так мысль нелегальных социалистов неизбежно упирается во внутреннее противоречие: противоречие между необходимостью бороться за свободу

в сферу притяжения других «солнц». Достаточно было бы нанести на астрономическую карту сотой сессии Лиги Наций «координаты», занятые мелкими и второстепенными державами, для того, чтобы со всей отчетливостью получить диаграмму силовых отношений в современной мировой политике. И тогда выяснился бы с полной убедительностью тот факт, который, впрочем, ни для кого уже не является секретом, — что орбиты многих из этих держав фактически имеют своим центром уже не «двойное солнце» — Англия-Франция, а иные светила, в Женеве не представленные. Целый ряд государств быстро перемещается к некоему центру, лежащему вне женевского Дворца Лиги Наций, в сторону знаменитой оси Рим-Берлин-Токио. Происходит гигантское перемещение центра тяжести мира от демократических и миролюбивых государств по направлению к блоку фашистских воинствующих диктатур.

То, что произошло в Женеве, было лишь вторичным, отраженным последствием этого основного, первичного фактора.

Дипломаты великих держав и их пресса потратили много усилий на поиски оправданий, извинений или по крайней мере, «смягчающих вину обстоятельств». Иден ссылался, как на причину слабости Лиги Наций, на недостаточную универсальность ее. Но Де-Брукэр в брюссельском «Пэпль» уже справедливо указал, что в момент японской агрессии против Манчжурии универсальность Лиги Наций была гораздо более полная, и даже Соед. Штаты были в тот момент готовы к сотрудничеству, а между тем именно тогда представитель Англии Саймон из кожи лез, чтобы добиться «невмешательства» Лиги Наций в японско-манчжурский конфликт! Кто может теперь сомневаться в том, что банкротство Лиги Наций в манчжурском вопросе, — как несколько лет спустя в абиссинско - итальянском конфликте, — явилось основным этапом на пути к распаду и полному бессилию Лиги Наций, «сумеркам» системы коллективной безопасности?!

Лишенные широких перспектив и далеких горизонтов, действуя всегда лишь под давлением узко-своекорыстных и близоруких побуждений, стремясь всегда лишь к пресловутой «синице в руки», так наз. «великие державы» и их буржуазно-ограниченные правительства систематически вели Лигу Наций от падения к падению, от поражения к поражению. Вели ее по этому пути, потому что и сами, вне Лиги Наций и помимо нее, проводили аналогичную политику, которая довела Европу и весь мир до нынешнего печального состояния.

Зная это роковое прошлое, каждый из нас с величайшим напряжением и вниманием ищет признаков поворота, старается распознать симптомы, которые позволили бы надеяться на изменение этой линии, на переход к более решительной и более выдержанной демократической политике. Увы, даже через самое сильное увеличительное стекло в работах сотой сессии Лиги Наций нельзя увидеть ни малейшего следа исторического поворота.

О чем бы ни шла речь: о войне-ли в Испании или о захватническом походе Японии против Китая, во всех решениях, и постановлениях мы видим все ту же дряблую, трусливую половинчатость, все ту же постоянную готовность отступить перед «нахрапом» агрессора, вместо того, чтобы проявить спасительную твердость, которая одна только в состоянии была бы оказать отрезвляющее влияние на «динамизм» известных стран.

В результате, положение в Испании остается без перемен: «националисты» попрежнему безнаказанно «дергают за хвост» британского льва, который даже больше уже не рычит, а только пишет вежливые «ноты»; а подводные лодки «неизвестной национальности» продолжают топить британские и иные суда, стремясь вынудить признание Франко «воюющей стороной» и провоцировать легализацию «блокады»; печать полна

которая одна только дает социализму возможность победить фашистскую диктатуру, — и сознанием, что пролетариату самому нужна будет диктатура для того, чтобы осуществить свое социальное освобождение и построить социалистическое общество. Наши итальянские товарищи стремятся разрешить это противоречие созданием нового, «либертарного», анти-этатистского представления о диктатуре пролетариата.

***

Коммунисты попытались разрешить это противоречие на свой лад. Они правильно поняли, что анти-фашистская народная революция возможна только в том случае, если пролетариату удастся об'единиться, в борьбе против диктатуры фашистской бюрократии, с мелкой буржуазией, крестьянством, интеллигенцией. Они поняли также, что об'единить все эти трудящиеся классы в борьбе против фашистской деспотии можно лишь тогда, если общей целью этой борьбы явится свобода, освобождение от деспотического гнета, тяготеющего над мышлением, хозяйством, над всей жизнью. Отсюда их лозунг: Народный фронт в борьбе за демократическую республику!

Само собой разумеется, что коммунисты при этом не отказываются от своей социалистической конечной цели. И само собой разумеется, что они попрежнему держатся того взгляда, что только диктатура пролетариата в состоянии осуществить эту цель. При этом они себе эту диктатуру представляют отнюдь не либертарно, а по русскому образцу, т. е. как авторитарную централистскую, ничем не ограниченную диктатуру коммунистической партийной бюрократии и подчиненной ей государственной бюрократии. Но в своей массовой пропаганде они все это отодвигают на задний план. Они думают, что прежде всего необходимо собрать все трудящиеся массы вокруг борьбы за демократическую республику; и лишь на этой почве станет возможной борьба за дальнейшие коммунистические цели, т. е. за диктатуру пролетариата. На первой стадии развития надо, поэтому, массам говорить только о свободе, демократии, народном фронте, — и только об этом. Совершенно достаточно, если небольшой дисциплинированный актив будет знать, что свобода, демократия и народный фронт отнюдь не являются конечной целью партии, а представляют собою лишь первый этап, после которого только и начнется борьба за действительные цели движения.

Таким образом, коммунисты ведут политику «двойной бухгалтерии». Они говорят массам о свободе, но понимают под этой свободой только первый этап на пути к централистско - бюрократическо - этатистской диктатуре. Они призывают массы к народному фронту, к «единению и примирению всей нации» для борьбы против кучки эксплуататоров и угнетателей, — но видят в этом «народном фронте» лишь начальный этап, на основе которого начнется развязывание классовой борьбы. Марксистская доктрина становится для них «тайным учением» узкого актива, которое в массовой пропаганде должно быть прикрыто и заменено вульгарно-демократическими и вульгарно - национальными лозун-

сведений о новых итальянских подкреплениях для Франко, и о неизбежном «активировании» германской интервенции в Испании. Одна только хрупкая стена самоотверженных бойцов республиканской испанской армии отделяет фашистский блок от гегемонии на западной (третьей уже по счету!) границе Франции, у Гибралтара и во всем восточном бассейне Средиземного моря. Но ослепленная классовыми инстинктами буржуазия Франции и Англии спокойно взирает на это поистине роковое развитие, и полномочные представители британского и французского правительств в Женеве пальцем не пошевелили, чтобы активно вмешаться в ход событий.

В вопросе о Китае, который для Сотой сессии должен был явиться особенно актуальным, великие державы продолжали в Женеве ту самую политику топтания на месте, которая уже привела к банкротству злосчастной Брюссельской конференции. Было затрачено чрезвычайно много искусства и достойного лучшей участи усердия, чтобы состряпать резолюцию, которая, с одной стороны, соблюла бы видимость чего-то, с другой стороны, ничем бы реально не задела Японии. Но и эта анемичная резолюция в последний момент была еще более ослаблена под влиянием вето, наложенного представителем Польши, г. Беком. В результате получилась бессодержательная декламация, из которой вытравлено всякое реальное политическое содержание, и в которой тщательно вымарано все, что могло бы быть истолковано, как призыв к «коллективному действию» держав против Японии или в защиту Китая.

Для нерешительности и опасливости, с которой руководители Лиги Наций подходят к каждой щекотливой проблеме, — или точнее, — с которой они обходят всякую такую проблему, — необычайно характерно поведение секретариата Лиги Наций в связи с запросом о положении евреев в Румынии. Если по отношению к таким хищникам-гигантам, как Германия, Япония, Италия, еще можно с некоторой тенью правдоподобия аргументировать необходимостью «соблюдать осторожность» в целях «предотвращения военной опасности», считаться с соотношением вооруженных сил и т. д. (хотя и с этой точки зрения тактика нерешительности и вечного отступления является в корне неправильной!), то совершенно ясно, что по отношению к румынскому правительству Гоги, антисемитские эксцессы которого являются лишь прелюдией и мостом к переходу в лагерь Гитлера-Муссолини, все эти тонкие меры деликатной предупредительности не вызываются уже ровно никакими реальными соображениями. И тем не менее главный секретарь Лиги Наций, — само собой разумеется, не без предварительного соглашения с представителями Англии и Франции, — счел нужным проявить величайшую «бережливость» по отношению к правительству, цинично нарушающему перед лицом всего цивилизованного мира торжественно взятые на себя обязательства и самые формальные постановления Ковенанта Лиги Наций.

Нужно-ли удивляться тому, что мелкие государства, в особенности те, которые сами (как скандинавские государства) или через свои колониальные владения (Бельгия, Голландия) находятся в сфере «аппетитов» великих хищников, и которые до сих пор вопрос о своей безопасности связывали с системой «коллективной безопасности», воплощенной в Лиге Наций, — ныне убеждаются все больше и больше, что никакой реальной защиты им в случае беды не приходится ждать ни от Лиги Наций, ни от тех великих держав, которые фактически являются ее руководителями и гарантами.

Теряя веру в возможность спастись при помощи Лиги Наций, государства эти начинают искать спасения на других путях. И этим путем является стремление «полюбовно сговориться» с теми государствами, от которых грозит опасность. Только так можно себе об'яснить то не только странное, но и глубоко прискорбное явление, что застрельщиком признания итальянского завоевания в Абиссинии является Голландия, озабоченная судьбой своих колоний, ничем не защищенных от удара Японии. Или то, что не кто иной, как представитель социалистического правительства Швеции Унден выступил в роли защитника реформы Лиги Наций, — «реформы», сводящейся реально к тому, чтобы устранить из устава Лиги Наций обязательства, связанные с осуществлением коллективной безопасности! Именно Швеция, железные рудники и лесные богатства которой имеют все шансы стать одним из первых об'ектов германского захвата в случае войны, — именно эта самая Швеция устами своего представителя Ундена сейчас предлагает Лиге Наций не заботиться о коллективной защите подвергшихся нападению государств! Нужно-ли более яркое и разительное свидетельство того состояния неверия и отчаяния, которое сейчас охватило так наз. «малые державы» перед лицом непрерывного победоносного наступления стран агрессоров и столь же непрерывного и малодушного отступления великих демократий?!

Не нужно доказывать нашим читателям, что эта политика отчаяния и фактической капитуляции перед аг-

---

гами. Но они сами срывают с себя маску, за которой они прячут от масс свой истинный лик, в тот момент, когда они свои свободолюбивые лозунги, с которыми они выступают в фашистских и демократических странах, соединяют с безоговорочным, совершенно некритическим одобрением сталинской бюрократически-этагистской диктатуры в Советском Союзе, стоящей в резком противоречии ко всем представлениям о политической свободе.

Нелегальные социалистические группы в Италии борются против этой политики коммунистов. Сейчас, — говорят они, — больше всего нужно духовное обновление социализма. Но этому обновлению не помогают, а мешают, те, кто, как коммунисты, в социалистической пропаганде затушевывают марксистское сознание, вместо того, чтобы его особенно ясно выявлять. Сейчас больше всего нужно будить классовые инстинкты рабочего, усыпляемые фашизмом, оживлять классовое сознание пролетариата, затуманиваемое лживой фашистской фразой о «национальном единстве», привести рабочий класс снова к сознанию его исторической миссии; но всему этому не способствуют, а мешают те, кто, как коммунисты, во имя «единения всей нации» предлагают союз либералам, клерикалам, оппозиционным фашистам. Единство действия всех нелегальных групп в Италии невозможно, пока существует это расхождение. Народный фронт в фашистских странах только тогда станет действительностью, когда снова создастся возможность открытой борьбы. Поэтому итальянские нелегальные социалисты отказываются разрешать противоречия между борьбой за свободу, которую социализм должен вести против фашизма, и признанием необходимости диктатуры, которая одна только может осуществить социалистическое переустройство общества, на коммунистический лад, т. е. тем, что массам говорят только о борьбе за свободу, а признание необходимости диктатуры превращают в тайное учение узкого партактива. Они хотят разрешить это противоречие органически, путем слияния свободы и диктатуры в высшее единство, в представлении о либертарной диктатуре.

(Окончание следует).

рессором нисколько не спасет малые государства от уготованной им печальной участи. Наоборот, эта капитулянтская тактика лишь в чрезвычайной степени облегчит захватчикам их кровавую работу. Становясь на эту почву, малые государства собственными руками подписывают себе смертный приговор. Единственный шанс на спасение, который у них еще имеется, это — политика как раз обратная той, которую они ведут. Не отказ от системы коллективной безопасности, а всемерное активирование этой идеи, а, следовательно, и упорная и систематическая пропаганда более активной политики европейской демократии, — вот то, что еще может спасти попавшие между молотом и наковальней малые государства.

Но в той атмосфере плоского эмпиризма, узкого своекорыстия и политической близорукости, которая создана в Женеве так наз. великими державами, трудно требовать мужества, политической дальнозоркости и решительности от малых и слабых государств. Зная хорошо, что Англия и Франция сегодня предают Китай и Испанию, что они завтра, вероятно, ссылаясь на те же смягчающие обстоятельства, предадут Австрию и Чехо-Словакию, — как могут они ожидать реальной защиты для себя?!

Мы не хотим опережать события. Не станем утверждать, что Сотая сессия, которая должна была быть юбилейной, на самом деле больше походила на похоронное собрание, чем на юбилейное торжество. Но нельзя скрывать и правды. То состояние маразма, нерешительности и дряблости, в котором до сих пор еще пребывают великие демократии Европы и Америки, является наклонной плоскостью, по которой мир довольно быстрым темпом катится вниз, к великой и последней катастрофе.

М. КЕФАЛИ.

Еще о профсоюзном единстве

Московское соглашение делегаций советских Союзов и Международной Федерации Профсоюзов поставило вопрос об окончательной ликвидации раскола и восстановления полного единства через включение советских профсоюзов в МФПС.

Возможно-ли это?

Искренние друзья пролетарского единства не должны пугаться тех жертв, уступок и «соглашательских» сделок, которые понадобились-бы для торжества профсоюзного единства. Ибо «Париж стоит обедни». Но необходимо, чтобы призом был действительно Париж, т. е. единство профсоюзов, а жертвой была-бы «обедня», — т. е. не основные принципы профессионального движения.

Поскольку речь идет о временных, хотя бы и длительных соглашениях по определенным конкретным поводам, в определенной обстановке и на определенных условиях, — ни у кого не могло-бы возникнуть и сомнения насчет той положительной роли, которую эти соглашения могут сыграть, — хотя бы потому только, что на совместной работе разошедшихся сторон подготовлялась-бы почва для окончательной ликвидации раскола и воссоздания прочного нерушимого единства.

Но органическое единство требует прежде всего хотя-бы минимальной общности целей и методов построения организационного аппарата и профсоюзного руководства. Вне этого элементарного условия всякое единство будет чисто механическим, эфемерным и потому недолговечным.

Никто не может отрицать, что об'единяемые МФПС профсоюзы, как-бы скептически ни относиться к некоторым из них, представляют собой самоуправляющиеся, свободные и независящие ни от каких политических партий и ни от государственной власти пролетарские организации, ставящие себе целью защиту интересов продавцов рабочей силы, организацию и поддержку их борьбы против работодателей. По оффициальной коммунистической концепции в России нет работодателей, власть принадлежит пролетариату, — т. е. продавцам рабочей силы, и поэтому для русских профсоюзов не существует тех целей, которые ставят себе профсоюзы европейского и американского типа. На деле-же в России монопольным работодателем является государство, не только не отказавшееся от капиталистических форм оплаты труда, но еще узаконившее самые рабские, самые позорные виды их, которые капиталистическое хозяйство знало только на заре своей юности, в период первоначального накопления.

На деле реальная заработная плата миллионов русских рабочих не превышает заработка туземцев в колониях и в несколько раз ниже реальной заработной платы самых отсталых стран Европы. Блестящие социально-политические исследования положения рабочих, быта, социального законодательства и деятельности советских профсоюзов, которые на протяжении 16 лет публикует на страницах «С. В.» тов. Шварц, не оставляют места никаким сомнениям в том, что миллионы русских пролетариев нуждаются в защите своих интересов, как продавцов рабочей силы, не в меньшей мере, чем пролетарии тех стран, где господствует частно-капиталистическое хозяйство. Советские профсоюзы не только не ставят себе таких задач, но по своему положению в машине диктатуры и не могут преследовать подобные цели. Наоборот, их обязанностью является защита в первую голову интересов «пролетарского» государства, т. е. единственного в советских условиях работодателя.

Уже по одному этому немыслимо представить себе пребывание в одной профорганизации советских профсоюзов с союзами, входящими в МФПС.

Можно было-бы смотреть на извращение функций советских профсоюзов, как на явление ненормальное и преходящее, если-бы их судьбой, жизнью и деятельностью в действительности распоряжались организованные в них миллионы пролетариев. Иными словами, можно было-бы примириться с противоестественными функциями советских профсоюзов и принять их в состав МФПС, если бы они в действительности были свободными, самоуправляющимися и независимыми пролетарскими организациями. Русской социалдемократии лучше, чем кому-бы то ни было известно, что советские профсоюзы не только в своих функциях ограничены усмотрением диктатуры, но управление профсоюзами, организационное строительство, конструкция руководства и аппарата, — все это в руках не членов союзов, а комдиктатуры. Если до появления «самой демократической в мире конституции» в советских профсоюзах на деле хозяйничали ставленники партийных и государственных органов (хозорганы, ГПУ и пр.), — то с введением в действие этой конституции возглавление профсоюзного аппарата сверху до низу стало монопольной привилегией ВКП уже и на

основании писаного закона. На нынешнем этапе эволюции террористической диктатуры это означает, что полновластным и бесконтрольным господином русских профсоюзов является никто иной, как Иосиф Виссарионович Сталин собственной персоной, — все остальное вплоть до ВЦСПС, — не больше как безгласные пешки.

В силу всего этого русские профсоюзы, в их нынешнем виде, не являясь профорганизациями, в том смысле, как их представляют себе европейцы и американцы, одновременно несут функции оффициальной агентуры государства тоталитарной диктатуры.

Поэтому, если-бы случилось невероятное, и советские союзы, как они есть, были-бы приняты в МФПС — то добытое таким путем единство оказалось-бы в лучшем случае механическим, фиктивным, мировому рабочему движению вовсе и ненужным, но вернее всего, сделалось бы исходным пунктом нового раскола профединства, который на этот раз был-бы окончательным крахом идеи пролетарского единства вообще.

Уже тов. Абрамович в предыдущем номере «С. В.» нарисовал достаточно яркую картину тех перспектив, которые намечаются для мирового профдвижения в результате вступления советских профсоюзов в МФПС. Но одному пункту я хотел-бы посвятить несколько слов.

Шверники, Николаевы и Москатовы, получив поручение от Сталина представительствовать русские профсоюзы в международном их об'единении, одновременно получат задание использовать МФПС как подходящую арену и для надобностей внутренней политики диктатуры, экономической ее политики и, главным образом, для надобностей внешней политики Сталина. Очень часто интересы диктатуры не совпадают и даже стоят в вопиющем противоречии с интересами международного и русского пролетариата, стало быть, и профсоюзов. В то время, когда представители остальных стран ко всякой проблеме обязаны подходить с точки зрения интересов тех, кого они представляют, русские представители будут решать эти проблемы по указанию своего начальства и пытаться свое решение навязывать МФПС, во всяком случае давить всем весом 22½ миллионной организации. Роковые последствия допущения русских профсоюзов в МФПС в качестве равноправного члена неминуемо скажутся и с этой стороны.

Не перевелись еще, к сожалению, неисправимые мечтатели, которые в связи с возможным вступлением русских профсоюзов в МФПС, строят радужные надежды на европеизацию советских профсоюзов в результате общения Шверника с Жуо или морального воздействия МФПС на ВЦСПС и надеятся, что главари русских союзов научатся многому у своих заграничных коллег, и что им хотя-бы из одного приличия только придется немножечко приубрать лик советской профсоюзной действительности. Отсюда строятся рассчеты и на возможность изменения к лучшему и положения рабочего класса России. На том этапе эволюции комдиктатуры, который характеризуется процессами ведьм, по меткому определению тов. Ф. Адлера, расстрелами членов ЦК ВКП и его Политбюро, фельдмаршалов, генералов, народных комиссаров и массовыми казнями советских сановников по суду и без всякого суда, — Сталин уже наверное не будет ориентировать свою тактику в отношении русского рабочего класса с оглядкой на МФПС и наверное не допустит, чтобы командируемые им в МФПС чиновники набирались заграницей «завиральных» идей. Напротив, Сталин не был-бы Сталиным, если-бы он не использовал факта допущения русских в МФПС, как аппробации своей диктатуры, и не превратил его в опорную точку для нового закабаления и обесправления русского рабочего класса, которому, таким образом, будет нанесен сокрушительный удар с совершенно неожиданной стороны.

В этих условиях ликвидировать Профинтерн и раскол международного профдвижения на формуле допущения в МФПС советских союзов, *как они есть*, представляется нам абсолютно невозможным и заранее исключенным. Но не больше шансов на какой-либо реальный успех имеют и расчеты на достижение путем взаимных уступок такого компромисса, который дал-бы возможность сформулировать общую платформу.

МФПС в своем качестве об'единения свободных и самоуправляющихся пролетарских организаций может пойти на ряд очень существенных уступок ради достижения соглашения и пойти на допущение в ее среду советских союзов, несмотря на чудовищное извращение выполняемых ими функций, при соблюдении не на словах, а на деле, одного только условия, принятие которого должно быть обставлено и соответствующими гарантиями абсолютного и беспрекословного выполнения. Условие это может быть формулировано приблизительно так: советские профсоюзы: а) *реорганизуются на принципе полной и абсолютной профсоюзной демократии*, б) *узаконяют профсоюзную оппозицию*, в) *легализуют принципы Амстердама и борьбу за них внутри советских союзов*, г) *ликвидируют организационную и персональную связь с комдиктатурой*, д) *разрывают зависимость от политических партий*, е) *ведут борьбу за отмену того пункта советской конституции, который навязывает профсоюзам руководство ВКП*.

Но даже такое крайне скромное, минимальное и элементарное условие советскими профсоюзами не может быть принято ни в коем случае. Мало того, оказывается, что руководство советских профсоюзов не только не думает о принятии каких-либо вообще условий, которые могли-бы быть поставлены МФПС, но напротив, поощренное той пропагандой органического единства на каких угодно условиях, которую ведут некоторые усердные не по разуму социалистические и профессионалистские политики, особенно Франции, и вообразившее поэтому, что своим вступлением в МФПС русские оказывают кому-то особое благодеяние и особую честь, — главари советских профсоюзов с своей стороны ставят МФПС совершенно неприемлемые условия.

Печатаемый в этом-же номере «Соц. Вест.» протокол московских переговоров между делегациями МФПС и ВЦСПС — является лучшей демонстрацией того, как Шверники представляют себе осуществление профсоюзного единства.

Прежде всего бросается в глаза, что в протоколе совершенно отсутствует какое-либо указание со стороны делегации ВЦСПС, что она приемлет устав МФПС. Далее оказывается, что прежде, чем советские вельможи от профдвижения появятся в нечистой средѣ МФПС, — среда эта должна быть очищена и освящена. Как из рога изобилия начинают сыпаться поучения, как МФПС должна будет, в случаѣ вступления в нее русских, вести борьбу с фашизмом и войной, как она должна будет помогать Испании и Китаю и пр. Все это исходит от тех самых русских большевиков, которые угробили революции венгерскую, баварскую и китайскую, которые сделали все, что было в их силах, для обеспечения торжества сначала Муссолини, а потом Гитлера, которые свою собственную русскую революцию завершили единоличной диктатурой, и которые, наконец, сейчас, втравливая испанскую револю-

цию во внутреннюю междоусобную войну, средствами и методами Москвы 1935-36 г., не помогают республике, а только льют воду на мельницу испанских фашистов и их открытых подстрекателей и покровителей.

Конечно, если Москве угодно будет вступить в МФПС, последняя должна будет пересмотреть свой устав таким образом, чтобы в ее рабочем и представительном органе — Бюро — было обеспечено, соответственно величию и могуществу Москвы, представительство и советских профсоюзов.

Но самое пикантное заключается в последнем требовании большевиков, формулированное по рецепту добрых старых московско - купецких нравов с примесью калмыцко-азиатской хитрости: так как-де, мол, мы (большевики) будем поставлять огромные финансовые средства в казну МФПС, — то мы не хотим, чтобы эти средства шли на пропаганду против Советской России и ее профсоюзов. Профсоюзы тут явно притащены за волосы, чтобы сделать менее одиозным требование профсоюзной организации о недопущении пропаганды против ее правительства. В этом последнем пункте, скромно отнесенном на самый конец, в сущности и заключается весь смысл всех условий, которые большевики ставят и будут ставить каждый раз при переговорах о восстановлении органического единства пролетариата. Не критикуйте сталинской диктатуры, не освещайте советской действительности, как вы ее понимаете, не критикуйте методов борьбы нашего правительства с троцкизмом, меньшевизмом и инакомыслием, — не осуждайте попыток построения социализма на костях миллионов пролетариев и крестьян, — двух основных классов русской революции, — не критикуйте внешней политики, нашего правительства — если не желаете хвалить, то, по крайней мере, молчите, — вот чего желает Шверник взамен тех 5 милл. франков, которые он будет вносить в кассу МФПС. Пред'являя такое требование, русские профсоюзники, очевидно, нисколько не сомневаются, что слияние двух профсоюзных организаций возможно на основе обязательства одной из сторон не вести пропаганды не то что против другой стороны, а даже только против правительства этой стороны. Одновременно это требование делает совершенно ясной для всякого органическую связь между русскими союзами и их правительством, не оставляет сомнения в том, что в своей деятельности в рядах МФПС русские не только сами будут руководиться интересами и предписаниями своего правительства, но будут неизменно толкать на этот путь и всю МФПС.

Нужно ли удивляться тому, что Бюро МФПС решительно отвергло московское соглашение, разослало по примыкающим союзам свое постановление и предложило им высказаться по этому вопросу. Свое отрицательное отношение к московскому соглашению формулировал уже Ген. Совет англ. трэд-юнионов, против него американцы, нет сомнений, что против него восстанут швейцарцы, бельгийцы, скандинавские страны и др.

МФПС хочет подлинного единства профдвижения, а не московского диктата, который будет отвергнут на всех стадиях обсуждения московского соглашения.

В Международной Федерации Профес иональных Союзов

ВСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В МФПС.

ОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ПЕРЕГОВОРАХ МЕЖДУ ДЕЛЕГАЦИЕЙ МФПС И ВЦСПС.

23, 24, 25 и 26-го ноября 1937 г. в Москве, во Дворце Труда, в помещении ВЦСПС, состоялись переговоры между делегацией МФПС, в составе вице-председателя Жуо, генерального секретаря Схвенельса и помощника секретаря Штольца, с делегацией ВЦСПС, состоявшей из Н. М. Шверника, П. Г. Москатова и К. И. Николаевой.

После обмена мнений обе делегации одобрили основные условия об'единения профсоюзов СССР с МФПС на основе профсоюзного единства для борьбы против войны и против фашизма во всем свете.

В виду этого, делегация советских профсоюзов и делегация МФПС приняли обязательство немедленно представить на утверждение президиума ВЦСПС — с одной стороны, и Бюро Генерального Совета МФПС — с другой, основные пункты, вытекающие из этих переговоров.

После рассмотрения и одобрения упомянутых предложений обеими организациями, вступление советских профсоюзов в МФПС должно получить практическое разрешение.

При сем следуют:
1. Предложение, сделанное делегацией ВЦСПС;
2. Ответ делегации МФПС на предложения делегации советских профсоюзов.

Полный текст протоколов заседаний, сверх вышеупомянутых предложений, будет опубликован в прессе от имени обеих делегаций в форме официального сообщения.

Нынешний протокол подписан: за делегацию МФПС — Жуо, Схвенельсом, Штольцем; за делегацию ВЦСПС — Шверником, Москатовым, Николаевой.

I. Предложения делегации советских профсоюзов.

Делегация ВЦСПС предлагает установить единство профсоюзов СССР с МФПС на следующих условиях:

а) Усилить активность МФПС в вопросах борьбы рабочего класса против войны и фашизма;

б) Пустить в ход все средства пропаганды и агитации против войны и фашизма (рабочие собрания, прессу, радио, кинематограф и т. д.);

в) Во всех странах организовать против стран агрессоров: Германии, Италии и Японии — пролетарские санкции (отказ грузить корабли этих стран, отказ выполнять транспорты в адрес этих стран, организация стачек в предприятиях, изготовляющих оружие и военное снаряжение для агрессоров и т. д.):

г) Оказать действительную помощь Испании и Китаю в их борьбе против агрессоров: Германии, Италии и Японии;

д) Содействовать профсоюзному единству в тех странах (Соед. Штаты, Чехословакия, Канада, Южная Америка, Испания и др.), где профсоюзное движение еще расколото или где существует опасность раскола;

е) Поддерживать пролетарский единый фронт и Народный фронт, в тех странах, где они существуют, в их борьбе против фашизма и войны.

Делегация ВЦСПС ставит следующие организационные вопросы:

1. Делегация ВЦСПС предлагает созвать чрезвычайный конгресс Международной Федерации Профсоюзов с участием советских профсоюзов, для того чтобы утвердить единство профсоюзного движения.

2. МФПС должна иметь трех председателей, из коих один — представитель советских профсоюзов. Председательство в Бюро должно происходить по очереди.

Один из генеральных секретарей должен быть представителем советских профсоюзов.

3. Принимая на себя огромные финансовые обязательства, вытекающие из устава (5.280.000 франц. фр. в год), советские профсоюзы должны иметь гарантию, что миллионы, вносимые советскими профсоюзами, не будут итти на пропаганду против СССР и советского профдвижения.

24-го ноября 1937 г.

Шверник, Москатов, Николаева.

II. Заявление делегации МФПС.

В ответ на предложения, сделанные ВЦСПС по поводу об'единения профсоюзов СССР с МФПС, делегация МФПС заявляет:

По поводу пунктов **а** и **б** нет никаких возражений.

По отношению к пункту **«в»** делегация МФПС выражает

свое согласие, принимая во внимание, что этот пункт вытекает из «а» и «б», но считает нужным указать что для того, чтобы получить наиболее действительные результаты от этих мер, необходимо считаться с их приспособлением к специальным условиям каждой страны.

Что касается пункта «г», о действительной помощи Испании и Китаю против стран агрессоров — Германии, Италии и Японии, — то с нашей стороны нет никаких сомнений в ее необходимости.

Делегация МФПС прибавляет, что эти вопросы уже закреплены в решениях МФПС, как пункты ее деятельности в борьбе против войны и фашизма.

Что касается, наконец, пунктов «д» и «е», то они не вызывают никаких возражений при условии соблюдения § 3 Устава МФПС, гарантирующего автономию национальных профсоюзных центров.

По отношению к вопросам организационным, делегация МФПС заявляет о своей готовности поддержать предложение делегации ВЦСПС о созыве чрезвычайного конгресса МФПС с участием профсоюзов СССР. Делегация МФПС равным образом готова поддержать изменение устава в духе предложенном делегацией советских профсоюзов.

С того момента, как ответственные органы МФПС примут вышеуказанные решения, Бюро МФПС начнет переговоры о вступлении советских профсоюзов в МФПС, которое должно предшествовать созыву чрезвычайного конгресса.

Отвечая на вопрос, сформулированный в п. 3, делегация МФПС заявляет, что, так как устав МФПС вменяет последней в обязанность поддерживать национальные центры, то это исключает всякую возможность акции, направленной против интересов какого-либо из этих национальных центров.

Советские профсоюзы, поэтому, имеют требуемую ими гарантию, а именно, что миллионы франков, которые будут ими вноситься, не будут служить пропаганде против СССР и советского профдвижения.

25-го ноября 1937 г. Жуо, Схвенельс, Штольц.

РЕЗОЛЮЦИЯ БЮРО МФПС НА ЗАСЕДАНИИ ОТ 12 И 13 ЯНВАРЯ 1938 ГОДА ПО ВОПРОСУ О ВСТУПЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ.

«Заслушав и обсудив отчет делегации, посланной в Москву согласно постановлению Лондонского Международного Профессионального Конгресса 1936 года, и констатируя, что вместо нормального и дающего все необходимые гарантии обращения со стороны Центр. Совета Советских Профсоюзов о принятии в состав МФПС, Бюро имеет дело с целой серией условий, подлежащих предварительному выполнению еще до того, как просьба о принятии в должной форме будет подана в МФПС, — Бюро МФПС, собравшись в Париже 12 и 13 января 1938 г., считает невозможным принятие этих условий· постановляет безотлагательно передать на рассмотрение примыкающих организаций все материалы по этому вопросу; предлагает предстоящему заседанию генерального совета МФПС в Осло отбросить поставленные условия; просит примыкающие организации сообщить, если им это будет угодно, свое мнение по данному вопросу, и настаивает на том, чтобы их ответы прибыли во время, для того, чтобы подвергнуться рассмотрению на заседании Бюро 16 и 17 марта.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ БРИТАНСКИХ ПРОФСОЮЗОВ ПРОТИВ ПОСТАВЛЕННЫХ СОВЕТСКИМИ ПРОФСОЮЗАМИ УСЛОВИЙ СВОЕГО ВСТУПЛЕНИЯ В МФПС.

Состоявшееся 26 января в Лондоне заседание Ген. Совета Британских Профсоюзов — «TUC» — рассмотрело вопрос о вступлении русских профсоюзов в МФПС, равно как и условия, поставленные для этого вступления ВЦСПС'ом. Принимая во внимание обмен мнений, который по этому вопросу произошел на заседании Бюро МФПС 12 и 13 января, Генсовет присоединился к позиции, занятой в этом вопросе Бюро МФПС, т. е. считает неприемлемыми условия, поставленные советскими профсоюзами. Генсовет поручил своему представителю в генеральном совете МФПС высказаться за принятие профсоюзов СССР на основе постановления 7-го Международного Конгресса в Лондоне, т. е. на основе политики и устава МФПС.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

ЗАГРАНИЦЕЙ

ГЕНЕРАЛ МИАХА ШЛЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ РАБОЧЕМУ СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

Через посредство испанской секции Фонда Интернациональной Солидарности Секретариат РСИ получил от защитника Мадрида, генерала Миаха, фотографию со следующей надписью: «Раб. Соц. Интернационалу во вторую зиму обороны Мадрида, которой Интернационал действенно помог своим Фондом Интернациональной Солидарности». Генерал Миаха.

Секретариат РСИ ответил следующим письмом:

Генералу Миаха

Мадрид.

Дорогой гражданин! Мы получили через тов. Сантьяго Вашу фотографию. Мы были глубоко тронуты теми дружескими словами, которыми Вы считали возможным оценить деятельность Фонда Интернациональной Солидарности на пользу испанского народа.

Примите, дорогой гражданин, нашу самую горячую благодарность.

Мы счастливы возможностью еще раз выразить Вам, наиболее достойному представителю народной армии, борющейся за свободу Испании, свое восхищение и нашу полную солидарность с героическими борцами испанской республики, которой все свободные люди обязаны незабываемой благодарностью.

Мы Вам обещаем удвоить нашу деятельность.

Председатель: Луи Де-Брукэр.
Секретарь: Ф. Адлер.

ПРАВО УБЕЖИЩА ПОД УГРОЗОЙ.

Созванная Лигою Наций и заседавшая в Женеве международная конференция по борьбе с терроризмом закончила свои занятия. Их результатом явился проект конвенции, предлагаемый конференциею правительствам. Цели, преследуемые этою «конвенциею для предотвращения и подавления терроризма», достаточно ясны из опубликованного ныне окончательного текста ее. Фашистским державам не удалось осуществить свое первоначальное намерение — добиться полного уничтожения права убежища. И все-же надо со всею определенностью подчеркнуть, что и в нынешнем своем виде конвенция представляет собою весьма опасное покушение на право убежища и идет слишком далеко навстречу пожеланиям диктаториальных государств.

Из многих примеров совершенно ясно, что проектируемая конвенция является серьезной угрозой праву убежища для политических беженцев и в то же время дает реакционнейшим бюрократам и полицейским множество способов идти навстречу пожеланиям диктаториальных государств. Можно порадоваться, поэтому, что представители Великобритании, Советского Союза и Швейцарии принципиально отказались от подписания такого проекта конвенции. Не подписали его и Дания и Финляндия. Представитель Советского Союза, Гиршфельд, заявил на заключительном заседании, что его правительство считает возможным примкнуть к интернациональным мероприятиям против терроризма лишь постольку, поскольку речь идет о коллективных обязательствах в рамках пакта Лиги Наций. Эта оговорка исходила из правильного понимания, что такая чисто юридическая и полицейская конвенция сыграла бы в руку лишь фашистским интересам. Из 33 представленных на конференции государств одобрили и подписали конвенцию лишь 16; кроме того 3 государства (Бельгия, Норвегия и Албания) подписали ее лишь условно, отлагая свое окончательное суждение о ней. Надо надеяться, что демократические правительства Бельгии и Норвегии отклонят ее.

Большинство безоговорочных подписей принадлежит недемократически мгосударствам. Правда, в их числе находятся и два наиболее демократических государства — Франция и Чехословакия. Согласие Франции об'ясняется ее реакцией на марсельские покушения (убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту) и теми плачевными событиями, ареной которых она стала за последнее время. Надо все же пожелать, чтобы и те государства, которые подписали эту, совершенно невозможную конвенцию, отказались ратифицировать ее после тщательного ознакомления с ее текстом.

⁂

О том, **как** применяется (в огромном большинстве случаев правильнее было бы сказать: **не** применяется) право политического убежища и в тех странах, которые отказались подписать конвенцию, можно было бы много сказать: достаточно напомнить, чем было это право до войны и чем стало оно теперь! Но сейчас нас интересует главным образом позиция Советского Союза.

Можно было бы с удовлетворением приветствовать отказ советского представителя подписать реакционную конвенцию, если бы... да, если бы и в вопросе о праве убежища дела сталинского правительства не противоречили так разительно его словам. Как забыть, что его представитель Литвинов был, вместе с недоброй памяти Лавалем, инициатором «международной конвенции против терроризма», между тем как и политическому младенцу должно было быть ясно, что такая конвенция, заключенная при участии фашистов, ничем кроме орудия злейшей реакции быть не может? Как забыть, что само сталинское правительство право убежища начисто отрицает, допуская в советскую страну лишь политических эмигрантов, тщательно «проверенных» и снабженных паспортами и визами, и наглухо закрывая советские границы перед теми «беженцами», которые, спасаясь от фашистских палачей, не имеют ни времени, ни возможности обзавестись всеми нужными бумагами? Как забыть, что, и впуская, в виде исключения, социалистов в «социалистическое отечество» (напр., известное число австрийских шутцбундистов), сталинское правительство лишает их всякой возможности свободной политической деятельности, без которой право политического убежища превращается в злую насмешку, более того — что й допущенным в это отечество эмигрантам-коммунистам оно грозит ссылкой, тюрьмой, концлагерем, расстрелом за малейший «уклон» от сталинской «линии»? Как забыть, что политических деятелей, бежавших от него самого, а то и высланных им, оно бесцеремонно лишает гражданства, что делает Гитлер, но чего не делало царское правительство и не делает сейчас даже Муссолини? И как забыть, что всеми средствами политического и экономического давления оно мешает и другим правительствам осуществлять право убежища по отношению к неугодным ему лицам, как это недавно было с норвежским правительством, которое Сталин заставил отказать в праве убежища Троцкому?

Читатель согласится, что имеются основания с некоторым скептицизмом отнестись к той «благородной» позиции, которую занял на женевской конференции делегат Сталина и о которой повествует информационная заметка, перепечатываемая нами из Бюллетеня **РСИ**.

ПО РОССИИ

ПЕРВАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА.

Процесс выхолащивания «самой демократической в мире» конституции продолжается. Созваный, наконец, после почти трехлетней подготовки и бесконечных колебаний новый советский парламент прекратил свою работу, **не успев** ее в сущности даже начать. Он, правда, не распущен, **как** 1-ая Государственная Дума 30 слишком лет назад, не **разогнан**, как ровно 20 лет назад — день в день — Учредительное Собрание, но не потому ли, что послушные советские парламентарии по первому требованию начальства и сами с полной готовностью разошлись по домам? И все же судьба Верховного Совета как-то отдаленно напоминает о судьбе его славных предшественников. Даже и в этом послушном, тщательно просеянном, тысячекратно проверенном парламенте сталинская диктатура чувствует какую-то для себя угрозу. Даже и этому парламенту она не решилась дать возможность сколько-нибудь нормально работать.

Как далеки мы от того, что торжественно возвещено и «закреплено» в новой конституции. **«Законодательная власть** СССР осуществляется **исключительно** Верховным Советом» (ств. 32). В самый день открытия Верховного Совета Вышинский очень кстати напомнил в «Правде» эту статью конституции и подверг ее как нельзя более своевременному и действительно верному толкованию:

> «Исключительно» — это значит, что **ни Президиум Верховного Совета СССР, ни Совнарком СССР по новой конституции законодательными функциями не обладают.** В отличие от Верховного Совета, осуществляющего законодательную власть через обе палаты — Совет Союза и Совет Национальностей, Президиум Верховного Совета призван не к законодательной деятельности, а к толкованию действующих законов...
>
> **На чрезвычайном VIII Всесоюзном С'езде Советов предлагалось принять дополнение к ст. 40 конституции о представлении Президиуму Верховного Совета права издавать временно законодательные акты.** Товарищ **Сталин** тогда же раз'яснил, что **это предложение неправильно** и не должно быть принято с'ездом. Товарищ Сталин сказал:
>
> «Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР».
>
> Именно так и принято в конституции, сосредоточившей законодательную власть **исключительно** в руках Верховного Совета. **В этом отношении конституция 1936 года внесла важное новшество, так как по конституции 1924 года Президиум ЦИК СССР являлся в период между сессиями высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом** (ст. 29 конституции 1924 г.)».

Но как раз законодательствовать Верховному Совету и не было дано. Правда, обе палаты Верх. Совета избрали по комиссии законодательных предположений, но комиссии эти, повидимому, даже и не собирались. По крайней мере по тем двум вопросам, по которым Верховным Советом вынесены были постановления законодательного характера — «о внесении изменений и дополнений в некоторые статьи конституции» и о депутатском вознаграждении, — комиссии законодательных предположений обеих палат заведомо не имели суждения и при квази-обсуждении этих вопросов в соединенном заседании обеих палат от имени комиссий не было сказано ни слова.

При сколько-нибудь серьезном отношении к законодательным правам Верх. Совета сессии Верх. Совета должны были бы носить длительный характер. Законодательная работа не может быть остановлена на многие месяцы. И она, конечно, не останавливается, но в прямое нарушение конституции осуществляется другими органами. Вот, напр., конституция относит к компетенции Верх. Совета «установление народохозяйственных планов СССР» (ст. 14 п. к. и ст. 31). **Народохозяйственный план в СССР это закон.** Президиум Верх. Совета в отношении народохозяйственных планов вообще не имеет никаких прав (см. ст. 49), а Совнарком СССР лишь «принимает меры **по осуществлению** народохозяйственного плана» (ст. 68 п. б.). Но в Верховном Совете о народохозяйственном плане на 1938 г. не было произнесено ни слова, а прошла едва неделя после закрытия сессии Верх. Совета и Совнарком СССР утвердил «государственный план сельскохозяйственных работ на 1938 г.», составляющий чрезвычайно существенную часть народохозяйственного плана.

У внимательного наблюдателя невольно складывается впечатление, что на верхах чрезвычайно торопились закончить сессию Верховного Совета, чтобы у депутатов ненароком не возникло желания действительно приступить к «парламентскому контролю». В одном вопросе эта торопливость сказалась особенно наглядно. Верховному Совету принадлежит, конечно, право утверждения государственного **бюджета.** Повсюду, где парламент играет хоть какую-либо роль, он особенно дорожит своими бюджетными правами. В прошлом году бюджет в первой половине января уже был утвержден ЦИК'ом. В этом году Верховный Совет так и закончил свою сессию, даже не видя проекта бюджета. А через несколько дней после закрытия сессии Верховного Совета проект бюджета обсуждался в Совнаркоме. И уж тут никак не отвертишься: для утверждения бюджета придется созвать внеочередную сессию Верховного Совета.

Так как его настоящим делом ему заниматься не было дано, Верховному Совету — если называть вещи их именами — пришлось просто **протирать время.** В «Социалистическом Вестнике» уже отмечалось, что вся сессия заняла никак не больше 18 «рабочих часов». И это еще исходя из оптимистического предположения, что каждое из 6 заседаний продолжалось в среднем три часа. Но чем же были заполнены **эти** «рабочие часы»? Вот первый день Совета Союза (работа Совета Национальностей ничем существенным от работы Совета Союза не отличалась): после краткой речи временного председателя, старейшего депутата, академика **Баха** *) были избраны открытым голосованием (см. фото в «Индустрии»

*) Открытие парламентской сессии старейшим депутатом это старый парламентский обычай. Для того, чтобы академик Бах открыл парламент, его никто не должен был — да и не мог — предлагать во временные председатели. Но в С. С. он исполнял обязанности временного председателя не в силу этого обычая, а «по предложению депутата тов. Хрущева». Тут все перепутано. Как будто можно вносить в парламент «предложение», пока в нем нет хотя бы временного председателя.

от 14-го января) председатель и два товарища председателя С. С., приняты заранее заготовленный регламент С. С. и предложенный «группой депутатов» порядок дня сессии и избрана мандатная комиссия. Все без прений и открытым голосованием. Если бы не постоянно прерывающие работу сессии овации по адресу «вождей» и особенно по адресу «первого депутата советского народа», «урок» первого дня был бы выполнен, если много, часа в полтора. На завтра второе заседание. Оно целиком ушло на избрание — открытым голосованием (и, повидимому, по каждой комиссии сразу за весь список) — трех комиссий. Чтобы как-нибудь заполнить время, перед избранием каждой из комиссий кто-либо из депутатов мотивировал необходимость образования комиссии и кто-либо «поддерживал» внесенное предложение. При этом единственно заслуживающего обсуждения вопроса о необходимости распределения работы между этими именно, а не другими комиссиями, никто даже не касался, и злополучные ораторы говорили лишь общие места о необходимости комиссионной работы над бюджетом, над законопроектами и пр., о значении бюджета, о значении внимательного рассмотрения вопросов внешней политики и т. п. Откровенно признаюсь, неловко было читать этот детский лепет, и ораторам, вероятно, неловко было с этим выступать. Но вот благополучно закончен и второй день. Третий день — часовой доклад мандатной комиссии, краткая речь одного из депутатов, предлагающего утвердить доклад и голосование — сразу по всем мандатам — поднятием рук. Только на четвертый день что-то хоть внешне похожее на законодательную работу: доклад об изменении конституции, несколько речей депутатов (конечно, без тени критики). После воскресного отдыха парламент собрался на пятое заседание: без прений принимается закон о депутатском вознаграждении (за стахановскую работу стахановское вознаграждение!), без прений избирается Президиум Верховного Совета и после кратких речей трех депутатов поручается Молотову сформировать новое правительство. После такого напряжения Верх. Совет на следующий день вновь отдыхает, чтобы 19-го января собраться на свое шестое и последнее заседание для избрания прокуратора СССР, выслушания доклада Молотова об образовании нового правительства и достойного завершения сессии митингом со стандартными приветственными речами «представителей трудящихся» Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, представителей Красной Армии, национальных республик и пр., речами неизменно заканчивающимися славословием «любимого учителя и вождя», «друга и отца», «родного», «великого», «гениального».

Было ли это только **симуляцией парламентской работы?** Повидимому, хуже. Организаторы парламентской инсценировки, повидимому, сознательно стремились к тому, чтобы не дать Верховному Совету даже в самых узких рамках приступить к настоящей работе. Парламент **без оппозиции** это вообще уродство. Но парламент, в котором нет не только оппозиционных, но **вообще никаких группировок,** это пустое место. Можно было ожидать, что в Верх. Совете депутаты сгруппируются частью по профессиональному, частью по территориальному, частью по национальному признакам, что группы выделят свое представительство и образуют **совет старейшин,** который как-то будет направлять коллективную жизнь парламента. Но даже и такие зачаточные группировки признаны опасными, и совет старейшин, как сколько-нибудь постоянный орган, так и не образовался. Правда, предложение о составе Президиума Верховного Совета неожиданно было внесено Косиором от имени «совета старейшин». Но что это за совет, из кого он состоит, по какому принципу образован да и существует ли в действительности, так и осталось тайной, и больше о совете старейшин ни разу не упоминалось. Не упоминает о нем и принятый обеими палатами регламент. Но зато тем большие, совершенно беспримерные в истории парламентов права представляет регламент председателям палат. Председатель в сущности безраздельно хозяйничает в парламенте. В частности председатель собственной властью «утверждает» докладчиков по всем вопросам порядка дня, осуществляя таким образом в парламенте принцип **«вождизма».** Как могут комиссии парламента работать сколько-нибудь целесообразно, не имея права для доклада о результатах своих работ сами избирать докладчиков, остается загадкой. Впрочем и комиссии в Верх. Совет образуются не так, как во всех парламентах. Палаты Верх. Совета прежде всего избирают председателей комиссий, а потом уже членов их. Самим комиссиям избирать своих председателей не дано. Председатель это что-то вроде начальника. «Вождизм» так «вождизм».

О решениях Верх. Совета о пересмотре конституции и о вознаграждении депутатов, об избрании Президиума Верх. Совета и Совнаркома говорилось и говорится в других статьях «Соц. Вест.», и этих вопросов в рамках настоящего обзора я касаться не буду. Но на чем еще нужно остановиться, это на **докладе мандатной комиссии.** Никаких протестов по выборам ни откуда не поступило; об этом уже сообщалось в прошлом номере «Соц. Вест.»; и мандатная комиссия занялась не проверкой выборов, а статистической обработкой данных о депутатах. На первый взгляд Верх. Совет кажется подлинно «рабоче-крестьянским» парламентом. Шутка-ли: из 546 депутатов С. С. (о 23 не было представлено сведений; что за этим кроется?), 247 рабочие, 130 крестьяне и 169 служащие и интеллигенция. Но увы, из 247 рабочих 201 «работают на партийной, советской, хозяйственной и общественной работе», т. е. являются выдвиженцами из рабочих, перешедшими в **аппарат.** Правда, переход в аппарат не означает еще немедленного отрыва от рабочих, но процесс отчуждения выдвиженцев от рабочих масс развивается часто с большой быстротой. Точно так же и среди 130 крестьян 79 «работают на партийной, советской, военной, хозяйственной и др. работах». Если принять во внимание, что и среди служащих и интеллигенции значительное большинство принадлежит к аппарату, социальное лицо С. С. представится совсем в ином виде, чем его изображает оптимистический доклад мандатной комиссии: маленькая кучка рабочих (46 человек, причем все до одного стахановцы) и крестьян (51, в том числе 25 председателей колхозов) совершенно тонет в море людей из аппарата, среди которых особенно выделяются — это отметил и докладчик мандатной комиссии — наркомвнудельцы и военные.

Та же картина в Совете Национальностей: рабочих 218, крестьян 200, служащих и интеллигенции 156. Но среди рабочих «на руководящей (а не на руководящей?), государственной и общественной работе» — 152, среди крестьян 100. «Аппарат» и тут безраздельно господствует.

Интересны еще данные о возврате депутатов. Приведем их для краткости по обеим палатам вместе и без той детализации, которая дана в отчетах мандатных комиссий. Из 1.143 депутатов Верх. Совета 284 не старше 30 лет, 547 в возрасте от 31 до 40 лет и 312 старше. Поражает громадное преобладание молодых возрастов. Если бы выборы происходили в первые годы революции, такой молодой состав парламента был бы естественен. Революция означает такую глубокую перетасовку, более молодые возрасты принимают в ней такое активное участие, что оттеснение в общественной жизни поколений, сложившихся задолго до революции, является естественным. Но через 20 лет после начала революции все это имеет уже совсем иное значение. Громадное преобладание в составе парламента лиц. ко времени революции еще находившихся в таком возрасте, что они либо вовсе не могли принять в ней участие, либо просто были увлечены общим потоком, говорит об очень далеко подвинувшемся процессе оттеснения с исторической сцены поколений, которые вынесли на своих плечах революцию и, хотя по своему возрасту еще отнюдь не должны были бы уходить на покой, далеко отодвинуты назад новыми людьми, выросшими в совсем другой обстановке и принесшими в общественную жизнь другие навыки, другие эмоции и другие стремления. К этим новым поколениям апеллировал Сталин, когда при обсуждении проекта конституции он говорил (в конце 1936 года) о «жаждущих выдвижения», говорил не с укоризной и осуждением, а с похвалой и в поощрение.

Но как ни подбирай, как ни поощряй, как ни награждай, потребности гигантской, развороченной двадцатилетней революцией страны давят и на этот парламент и не дают ему превратиться в послушное орудие в руках диктатуры, все отчетливее противопоставляющей себя интересам широких масс. Борьба за парламент и вокруг парламента еще только начинается.

С. Ш.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия, № 40.
Знамя России, № 1.
Вiстник Украiнськоi Громади у Францii. № 67-68.
Информационный Бюллетень НКТ и ФАИ. № 27. Барселона.
Бюллетень Оппозиции, № 62-63.
La Révolution prolétarienne, N° 263.
Proletarian Outlook, New-York, N° 1.
Socialist Review, New-York. Vol. 6. N° 4.
Der Kampf, Internationale Revue, N° 2.
B. Nicolaïevski et *O. Maenchen-Helfen.* Karl Marx. Editions Gallimard. 30 fr.
Nouveaux Cahiers, N° 18.
Wolna Mlodziez, N° 1. Warszawa.
Informa Bulteno «Esperanto», N° 13. Barcelono. Iberia Anarkista Federacio.
Independent News, N° 22, 23.
Que faire? N° 38.

К НАСТОЯЩЕМУ НОМЕРУ ПРИЛАГАЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В «СОЦ. ВЕСТНИКЕ» ЗА 1936 Г.

Le Gérant : **Paul Colliette**

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.